

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 81

doi: 10.18522/2070-1403-2022-90-1-121-129

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ РЕГУЛЯЦИИ ПРАГМАТИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ПЕРЦЕПЦИЮ СУБСТАНДАРТНОЙ ЛЕКСИКИ В ПРОЦЕССЕ КОММУНИКАТИВНОГО АКТА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО СЛЕНГА)

© *Сергей Александрович Титаренко*

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

sir.ti2009@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности регуляции авторских интенций прагматического характера в англоязычном сленге. Описываются когнитивные механизмы в тесной взаимосвязи со сленгообразовательным паттерном суффиксации, лежащим в основе создания новых лексем субстандартного вокабуляра. Определяется значимость интеграции ментальных процессов и прагматических интенций на способы кодирования и декодирования передаваемой информации. Анализируются принципы когнитивной перцепции высказываний, обусловленные условиями коммуникативной ситуации. Импликация и инференция рассматриваются как основные когнитивные операции извлечения смысла сленговых неологизмов и их прагматического значения. Новизна и актуальность исследования заключаются в использовании лингвокогнитивного анализа фактического материала, на основе которого впервые выделены и детерминированы когнитивные механизмы перцепции и порождения сленгизмов.

Ключевые слова: импликация, инференция, девиация, когнитивный механизм, коммуникативный акт, прагматический модус, сленгизм.

Для цитирования: Титаренко С.А. Лингвокогнитивные механизмы регуляции прагматического воздействия на перцепцию субстандартной лексики в процессе коммуникативного акта (на материале английского сленга) // Гуманитарные и социальные науки. 2022. Т. 90. № 1. С. 121-129. doi: 10.18522/2070-1403-2022-90-1-121-129

PHILOLOGY

Original article

Linguocognitive mechanisms of pragmatic influence regulation on the perception of substandard vocabulary in the process of a communicative act (based on English slang)

© *Sergey A. Titarenko*

Volgograd state university. Volgograd, Russian Federation

sir.ti2009@yandex.ru

Abstract. It is considered various features of author's intentions of a pragmatic nature in English slang. Cognitive mechanisms are described in close relationship with the slang-forming suffixation pattern that underlies the creation of new lexemes in the substandard vocabulary. The significance of the integration of mental processes and pragmatic intentions on the ways of encoding and decoding the transmitted information is determined. We analyse the principles of cognitive perception of utterances stipulated by the conditions of the communicative situation. Implication and inference are considered as the main cognitive operations of extracting the meaning of slang neologisms and their pragmatic meaning. The novelty and relevance of the research lies in the use of linguocognitive analysis of factual material, on the basis of which the cognitive mechanisms of perception and the generation of slangisms were first identified and determined.

Key words: implication, inference, deviation, cognitive mechanism, communicative act, pragmatic mode, slangism.

For citation: Sergey A. Titarenko Linguocognitive mechanisms of pragmatic influence regulation on the perception of substandard vocabulary in the process of a communicative act (based on English slang). *The Humanities and Social Sciences*. 2022. Vol. 90. No 1. P. 121-129. doi: 10.18522/2070-1403-2022-90-1-121-129

Введение

Современный сленг представляет собой сложный конгломерат когнитивной деятельности человека, авторских прагматических интенций, грамматико-морфологических механизмов словообразования, лексического инструментария и лингвокреативности личности, которые используются с целью создания на основе литературного вокабуляра языкового субстандарта. В процессе сленгообразования лексема способна претерпевать ряд функциональных сдвигов или лексических трансформаций, приобретая новые семантические значения и прагматические оттенки смысла. Этот процесс создает тенденцию к конвергенции когнитивного и прагматического подходов в процессе порождения и перцепции субстандартной сленговой лексики в ходе коммуникативного акта. В соответствии с этим лексикологическим алгоритмом образуются множество сленговых терминидов от основы литературных лексем посредством перехода словообразовательной основы в другую парадигму словоизменения, значение которой базируется на принципе метафоризации. Например, слова *dog* и *gaffer* начали употребляться в качестве глаголов, образованных от основы имен существительных, а *blower* и *chaser* претерпели обратную трансформацию и приобрели свойства существительного.

Интеграция лингвокогнитивных процессов и прагматических интенций, а также принципов декодирования передаваемой информации, когнитивной перцепции высказываний и речевого поведения обуславливается условиями коммуникативной ситуации в целом, авторскими целями, коммуникативными стратегиями и тактиками, которые детерминируют иллокутивный и перлокутивный потенциалы речевого акта. Референтивные процессы, протекающие в сознании человека при употреблении сленгизмов в потоке речи детерминированы этими базовыми условиями, а включение прагматического модуса в систему ментальной интерпретации и последующей переработки получаемой информации позволяет по-другому взглянуть на когнитивные механизмы порождения речи и речевые основы коммуникации [14, с. 118].

В своих работах Е.А. Моргун говорит о том, что теоретическая когнитивистика строится на методологических канонах лингвистической прагматики, следовательно, очевидным является тот факт, что прагматический аспект высказывания является первичным по сравнению с когнитивным, поскольку базовым стимулом побуждения к речи выступают авторские прагматические интенции, находящие вербализацию посредством языкового инструментария, подвергнувшегося дальнейшей когнитивной обработке [8, с. 55]. Однако в настоящее время перцепция сленговых неологизмов уже не вызывает когнитивного диссонанса. Этот феномен детализировано был описан еще в 1979 году Е. Кларк и Г. Кларком в статье «When Nouns Surface as Verbs». Согласно мнению авторов, более 10 процентов новых сленгизмов образуются в результате аналогичных функциональных сдвигов [16, с. 775]. Экспликация смысла, созданной по идентичной парадигме лексемы несколько десятилетий назад, в настоящее время не вызывает когнитивного диссонанса и воспринимается современным получателем как должное, по сравнению с другими способами словообразования, функциональные сдвиги которых вызывают проявление аффекта в связи с их нелогичностью и экстраординарностью новых словоформ и лексических сочетаний. Тем не менее, механизм функционально-прагматического сдвига является весьма эффективным инструментом при инфиксации и стяжении основ, способами словообразования, которые изначально не являлись продуктивными при создании субстандартных лексем.

Обсуждение

В качестве основного инструмента понимания и восприятия реалий современного мира, особенностей поведения общества, когниций и коммуникативных процессов выступает прагматика. Такая дефиниция прагматики демонстрирует ее сопряженность с когнитивными процессами методом конструирования смыслов, интерпретации и передачи рационального знания, так как в русле прагматики язык рассматривается не как инструмент достижения коммуникативной цели высказывания, а как действие, как отношение между языковой формой и ее

использованием в потоке речи. В то время как процесс речепорождения социозависим и включает в себя когнитивные механизмы регуляции общественного сознания, происходящие в обществе, учитывая лингвокультурные реалии различных социальных групп, их групповой опыт, менталитет, ценностные ориентиры, групповую идеологию.

Н.В. Никитин говорит о том, что прагматические структуры сознания, отвечающие за субъективную оценку явлений окружающей действительности с позиции персонифицированных ценностных ориентиров и жизненных установок каждого индивида являются первоочередными, поскольку когнитивные структуры апеллируют к внеграмматическому знанию об окружающей действительности в его онтологической сущности [9, с. 20]. Прагматический модус высказывания позволяет провести анализ выбранных адресатом конкретных лингвистических единиц или грамматико-морфологических механизмов создания новых лексем призванных удовлетворить коммуникативные интенции говорящего, учитывая условия контекста, с целью оказания определенного перлокутивного эффекта.

Условия коммуникативной ситуации, предмет речевого общения, интенции участников коммуникации, пространственно-временная плоскость общения и иные прагматические факторы задают стимул когнитивным механизмам, происходящим в сознании человека в момент порождения речи и перцепции передаваемой информации. При этом адресат сообщения кодирует свой когнитивный, неречевой замысел, доступными языковыми средствами путем использования грамматико-морфологического инструментария, в соответствии с коммуникативными интенциями, трансформируя ментальное образование в речевые символы, благодаря которым происходит лексикализация мысли, материализуемая в общедоступный языковой код. Однако повышенный эмоциональный фон адресата и его желание воспроизвести в речи максимальную экспрессивность, способствует созданию нетривиальных сленговых словоформ, обладающих уникальностью значения и новаторством использования, нарушающими лингвистические дистрибутивные каноны. Следовательно, речь репрезентирует процесс вербализации когнитивных образов сознания человека. В процессе перцепции человек соотносит передаваемую информация через призму субъективного знания, личного опыта и объективной реальности, восполняя информационные лакуны из памяти и сознания, которые отвечают за интерпретацию и понимание информации прагматического характера [19, с. 202].

В работах В.И. Заботкиной лингвистическая девиация выступает основным когнитивным механизмом, лежащим в основе создания неологизмов, которая рассматривается как отклонение от установленной языковой нормы, и может реализовываться на прагматическом, семантическом и концептуальном уровнях, в зависимости от отношений между языковым знаком – пользователем, знаком – референтом или концептуальными структурами нового и исходного значения неологизмов [5, с. 210]. Когнитивный механизм девиации, находится в тесной взаимосвязи с аналогией, когнитивной операцией более высокого уровня, которую В.И. Заботкина детерминирует как «главный стимул лингвокреативности» аргументируя утверждение тем, что личности с более развитым абстрактным и творческим мышлением могут быстрее устанавливать различные ассоциативные отношения в высказывании и с легкостью интерпретировать неологизмы, в том числе и сленгизмы, раскрывая заложенные в них новые смыслы и прагматические интенции [5, с. 212, 214].

В результате исследования современных англоязычных сленгизмов, мы можем сделать вывод о том, что по принципу лингвистической девиации и аналогии создаются большая их часть, а творческий потенциал создателя новой сленговой лексемы проявляется на всех уровнях языка: фонологическом, морфологическом, синтаксическом и стилистическом. Более того, лингвистическая креативность реализуется одновременно на нескольких уровнях языка. Способность реализовать творческий потенциал посредством лингвистического инструментария, путем создания новых уникальных словоформ И.В. Зыкова и М.И. Киосе называют лингвокреативностью [7, с. 30]. В ее основе лежит ассоциативная аналогия, в результате чего идея, как порождение когнитивной деятельности человека и нематериальное менталь-

ное образование, соотносится с уже имеющимися языковыми средствами, которые зафиксированы в существующей литературной языковой единице и способны подвергаться дальнейшей актуализации в контексте высказывания с последующей авторской интерпретацией заложенного в нее прагматического эффекта. Аналогичную позицию конвергенции когнитивного и прагматического подходов в процессе порождения и перцепции высказывания занимает А. Кёстлер и вводит понятие лингвистической биосоциации, под которой понимает дистрибуцию не соотнесенных структур, обладающих автономным характером и сочленяемых посредством творческого потенциала и лингвистического метаморфоза в процессе коммуникативного акта. Конечным итогом этого творческого процесса выступают неологизмы, обладающие нетривиальностью фонетических и морфологических форм, способные передавать повышенную экспрессивность и скрытые намерения [17, с. 256].

Рассмотрим действие данных теоретических положений и реализацию прагматических и когнитивных механизмов на конкретных словообразовательных моделях суффиксации при создании новых единиц субстандартной лексики.

Активность головного мозга человека повышается, когда искомым инфикс в неологизме передает не закрепленное за ним значение и новые, отраженные в сленгизме, прагматические оттенки (например, *US-fucking-A Today*). Или же когда при стяжении основ лексемы обцененной лексики с литературным словом вновь образовавшаяся лексема передает описательные характеристики экстенционала (*Marcia fucking Brady* или *Leicester bloody Square*). Другим примером является вычленение смысла сленгизмов *cherryoke* или *chrome labia*, которые репрезентируют собой не только словообразовательную модель стяжения основ, но и зависят от одновременной интерпретации структуры слова и его метафорического использования. Ментальная активность, вызванная таким функциональным сдвигом, поддается измерению, что было доказано Е. Кларк и Г. Кларк и зафиксировано на снимках ЭЭГ, МЭГ и МФО респондентов, когда пик мозговой активности проявлялся в момент попытки интерпретации услышанных сленгизмов. По мере того как появляются новые методы измерения влияния лингвистических средств на когнитивную активность человека, очевидным становится то, что нашему мозгу брошены вызовы, выходящие далеко за пределы досягаемости простых функциональных сдвигов, поскольку именно сам человек и его мозг являются генераторами новых языковых элементов [16, с. 783].

Несмотря на призывы отказаться от употребления субстандартной лексики, она используется практически во всех сферах нашей деятельности. Такие «языковые изобретения» лишь усложняют процесс перцепции сленга, поскольку грань оказываемого прагматического воздействия на реципиента не представляет собой ни препятствие, ни проявление высшей степени «языкового остроумия», ни олицетворяет процесс деградации языка в целом. Следовательно, новизна лексического значения неологизма, которая раскрывается в процессе коммуникативного акта, может вызывать у коммуникантов биполярные чувства: привлекать внимание и заинтересовывать, или же вызывать недоумение в связи с невозможностью декодирования исходного сообщения [13, с. 78]. Любая языковая единица, которая кажется достаточно отличной от общеупотребительной литературной нормы и от стандартных словообразовательных моделей, стимулирует наш мозг, включая диалектные различия и предполагаемые ошибки их использования. Поэтому перцепция сленговой лексики основывается на когнитивном механизме инференции, т.е. представляет собой силлогизм как заключение из импликаций или языковых посылов, позволяющее сделать вывод или дедуктивное умозаключение самостоятельно путем переосмысления полученной информации. К. Пантер и Л. Торнбург говорят о том, что именно благодаря когнитивному механизму инференции возможно постигнуть новые прагматические смыслы в метафоро-метонимических выражениях субстандартной лексики [18, с. 101].

Импликация и инференция это когнитивные механизмы извлечения смысла, которые, по словам отечественных и зарубежных лингвистов помогают достичь понимания скрытых прагматических интенций. И.В. Ордвнцова полагает, что импликация и инференция должны

рассматриваться как когнитивные взаимозаменяемые операции извлечения смысла, так как они «позволяют интерпретировать скрытые смыслы, опосредованное выражение части информации, отраженной в поверхностной структуре высказывания» [10, с. 92]. В.А. Звегинцев определяет инференцию как когнитивный механизм понимания текста, который призван «извлекать из отдельного высказывания значительно больше информации, чем содержится в нем как в языковом образовании» [6, с. 117].

Аналогичным образом импликация представляет собой способ выражения непрозрачной семантики слова и рассматривается в работах И.И. Акимова, Е.Г. Борисова, В.В. Бурлакова, Е.Н. Василишиной, В.З. Демянкова, И.П. Иванова, В.А. Кухаренко, Н.П. Пешкова, Г.Г. Почепцов, С.С. Сермягина, М.Ю. Федосюк. Т.С. Сорокина под импликацией понимает «ту имплицитную информацию, которая выводится адресатом и основывается не только на эксплицитно выраженных элементах высказывания (языковых знаниях), но и на экстралингвистических знаниях адресата» [11, с. 249]. Импликацию как непосредственно когнитивный процесс в русле лингвокогнитивистики рассматривают В.В. Богданов, Т.Е. Водоватова, Е.Н. Ермакова, И.В. Ордынцова и Л.П. Чахоян, Е.С. Шмелева и др. В рамках стилистического подхода И.В. Арнольд интерпретирует импликацию как «дополнительный подразумеваемый смысл, вытекающий из соотношения соположенных единиц текста, но ими вербально не выраженный» [1, с. 84]. Тем не менее, несмотря на различные подходы к изучению явления импликации и инференции все исследователи схожи во мнении, что они помогают перцепции передаваемого сообщения и позволяют выводить смыслы семантически непрозрачных и прагматически нагруженных лексических единиц, включая неологизмы и лексемы субстандартного вокабуляра, включая и современный сленг.

Тем не менее, язык, «расположенный вдоль оси» сленга стимулирует интерес больше, чем литературный язык, который используется повсеместно, поскольку одна из задач субстандартной лексики «нажимать кнопки и дергать рычаги» в мозгу манипулируя эмоциональным состоянием. Доказать это инструментально невозможно, но гипотетически, носители сленга всегда интуитивно понимали, что они манипулируют языковыми реакциями собеседника, провоцируя эмоциональные пики и нарушение привычной зоны языкового комфорта. Так как употребление кодированного языка является атрибутом закрытых субкультур (как правило, это молодежь; группы, объединенные на общности профессиональной сферы интересов, или же разделяющие общую идеологию восприятия реального мира и объединенные на основе общности духовных ценностей), то для внешней группы специфические лингвистические средства являются недоступными для интерпретации, вызывают бурный интерес, а в некоторых случаях и раздражение из-за невозможности распознавания передаваемой кодированной информации и прагматического модуса, заложенного в конкретное высказывание, созданного средствами стандартного литературного языка. Эти процессы вызывают бурную мозговую активность, поскольку сленговые элементы являются социально деморализованными, остроумными, эмфатическими и саркастическими синонимами стандартных лексем [15, с. 168].

Морфологические процессы сленгообразования происходят не в рамках отдельно взятого слова, а формируют, так называемые, лингвокогнитивные паттерны, тесно связанные с фонологией, синтаксисом, или структурой фраз и предложений, которые коррелирует со сложной семантикой нагруженностью, синтаксисом и дискурсом. Ярким примером словообразовательных процессов при сленгообразовании является инфиксация, в процессе которой происходит расширение лексического значения. В английском языке эти процессы исторически не являются продуктивными словообразовательными моделями, и как деривационные механизмы они относятся к числу наименее употребительных; таким образом, результаты этих процессов, неологизмы, неизбежно вызывают активность головного мозга при их употреблении. Так, например слова *edumacation* и *irremedially* (образованы в соответствии с общепринятыми фонетическими и лексическими канонами, и согласуются с просодией английского языка); *guaranclikin'teed* (доказывает, что инфиксы могут иметь лексическое значение,

эффективно удваивая семантическое содержание любой инфиксной формы); *absonotly* (в словообразовательной модели нет инфиксации, однако эта лексема омофорфна с существующей лексемой, поэтому интерпретируется как исходный инфикс на основе проведения формальных параллелей) и *shut the fuck up* (фраза из четырех слов с двумя словами, которые не согласуются лексически, и которые трудно поддаются семантической интерпретации, но обладают колоссальной прагматической значимостью). Все эти неологизмы вызывают активизацию деятельности головного мозга не столько путем воздействия отдельных лексических единиц сленгового выражения в процессе их восприятия, сколько более глубокими когнитивными процессами, проявления которых являются прагматически и экспрессивно нагруженными.

Как морфологические единицы, суффиксы также играют определенную роль при лексикализации ментальных образований в материальную сленговую лексему и учувствуют в построении ее социального значения. Например, суффикс *-age* в слове *foodage* или *fundage* указывает на обилие закусок или наличных средств. В данных сленгизмах он не несет семантической нагрузки, а выражает эмоциональность и игривый тон высказывания, сопротивляясь общепринятым грамматическим стандартам. *-Age* также принимается некоторыми закрытыми социальными группами в качестве внутригруппового маркера и если такая словообразовательная модель применяется коммуникантом весьма правдоподобно, то он может принадлежать к рассматриваемой группе. Однако сам суффикс *-age*, не является сленговым по своей этимологии, поскольку в литературном английском языке существуют лексемы, такие как *sewage* или *vicarage* которые не несут в своем значении никаких дополнительных прагматических, лексических или же эмотивных оттенков. Однако когда суффикс *-age* используется для образования новых слов, то его основная цель заключается в придании определенного прагматического значения. Этот процесс играет важную словообразовательную роль, поскольку выходит за рамки стандартных словообразовательных моделей, не является частотным и применяется с целью придания сленгизму абсурдности значения.

Аналогичные атипичные формы суффиксации создаются и с использованием суффикса *-u*, что расширяет границы применения его применения и намечают определенную тенденцию в английском языке которую можно проследить в диахроническом аспекте. Например, словосочетание *stay inu* имеет смысл только в ассоциации с *come out*, это развернутая метафора, которая требует знания культурологических реалий и быстрого когнитивного синтеза для ее понимания. Деятельность мозга представляет собой процесс, а такая неортодоксальная лексифабрикология придает (отчасти) эстетическую и прагматическую ценность употребления неологизмов, например телевидению.

Трудно оценить масштабы применения *u*-суффиксации в создании неологизмов как традиционных, так и более жаргонных форм. Совершенно очевидным является то, что в настоящее время применение суффикса *-u* разрушило многие из устоявшихся традиционных канонов его использования расширив границы словообразовательных паттернов, которые ассоциируются атипичностью форм и считаются сленгообразующими, а сущность их создания и перцепции сводится к когнитивным механизмам аналогии, девиации, био-социации, инференции и импликации. Такие лексические единицы иногда принимают весьма нетрадиционные словоформы, например *Jesusu*, и *Saviory* и являются трудными для перцепции и интерпретации в потоке речи, поскольку базовая лексема изначально представляется неподходящей для деривации сленгизма посредством суффиксации. Как, например, в следующих предложениях:

«*I needed to say this in case my posts become more Jesusu*». *Jesusu* (нравственный/поучительный) трактуется не как имя собственное, а делается отсылка на личностные качества, которыми обладал Иисус, тем самым лексеме придается новое прагматико-коммуникативное предназначение – заинтересовать получателя и привлечь внимание к поставленной коммуникативной проблеме. Аналогичным примером является и сленгизм *saviory* в предложении «*Dawn will either show up in the last episode and do something really 'saviory,' or . . .*» можно перевести как «крутой/потрясный». Нестандартная ассоциация по аналогии, которая лежит в

основе создания сленгизма посредством суффиксации, предполагает, что в сознании автора и реципиента, сленговая лексическая единица соотносится со схожей по форме литературной лексемой, а значение сленгизма актуализируется в заданном речевой ситуацией контексте.

К этому алгоритму относится и суффиксация многосложных фраз, вырезанных из контекста более распространенного словосочетания, которое используется метафорически для придания более глубокого эмотивного оттенка и создания уникального прагма-стилистического эффекта, поскольку многие номинации в сленге экстраполируют дополнительную информацию, отсутствующую в стандартных денотативных и коннотативных значениях, репрезентирующие акцессорные знания об окружающем мире.

Как например, *Mixed signally* (хитроумные планы) в предложении «*Damn him and his mixed signally ways!*», или *Four-lettery* (нецензурное слово/мат) в высказывании «*But the language gets four-lettery at one point*».

Когнитивные механизмы девиации, аналогии и бисоциации используются для кодирования информации и регуляции прагматического воздействия на адресата. Когнитивные механизмы инференции и импликации применяются для декодирования получаемой информации адресантом.

Выводы

Получатель сообщения, который привык к традиционному лингвистическому стилю общения, испытывает повышенную мозговую активность, при попытке интерпретации менее привычных словообразовательных паттернов. Эти формы полностью экспериментальны и всецело принадлежат своим контекстам; они не абстрагируются от этих контекстов и их значения не отражаются в традиционных толковых словарях. Сленгизмы благодаря своей неконвенциональной форме служат эффективным инструментом имплицитного воздействия на получателя сообщения и обладают большей коммуникативной продуктивностью. Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в более детальном изучении тенденций развития субстандартной лексики с учетом когнитивных регуляций прагматического значения в условиях реализации коммуникативного акта в различных типах дискурса.

Список источников

1. Арнольд И.В. Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения // Вопросы языкознания. 1982. № 4. С. 83–92.
2. Василюшина Е.Н. Когнитивно-прагматический аспект дискурсивных импликаций (на материале произведений В.В. Набокова) // Автореф. дис. канд. филол. наук. Казань, 2015. 193 с.
3. Демьянков В.З. О когнитивном манипулировании // Когнитивные исследования языка. 2014. № 18. С. 55–61.
4. Демьянков В.З. Прагматика коммуникации и когниция // Когнитивные исследования языка. 2017. № 29. С. 55–63.
5. Заботкина В.И. Когнитивные основы лингвистической креативности // Когнитивные исследования языка. 2019. № 38. С. 208–216.
6. Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи. М., 1976. 307 с.
7. Зыкова И.В., Киосе М.И. Параметризация лингвистической креативности в междискурсивном аспекте: кинодискурс vs дискурс детской литературы // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 2. С. 26–40.
8. Моргун Е.А. К вопросу о конвергенции когнитивного и прагматического подходов // Филология и лингвистика: проблемы и перспективы. Материалы II Международной научной конференции. Челябинск: Два комсомольца, 2013. С. 55–57.
9. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения: Учебное пособие. М.: Высшая школа, 1988. 168 с.

10. *Ордынцова И.В.* Импликация и инференция в лингводидактике // Мир русского слова. 2016. № 4. С. 91–96.
11. *Сорокина Т.С.* Семиотическая природа естественного языка в свете теории инференции // Вестник МГЛУ. 2012. № 19(652). С. 246–257.
12. *Шмелева Е.С.* Когнитивные механизмы и прагматический потенциал лингвокреативности (на материале *The Economist*) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 3. С. 78–86.
13. *Ребрина Л.Н., Шамне Н.Л.* Проблема социальной реальности в коммуникативных практиках конфликтной мобилизации в сообществах социальных сетей // Научный диалог. 2021. № 8. С. 73–86.
14. *Титаренко С.А.* Когнитивные аспекты сленгообразования // Материалы Научной сессии. Волгоград. 2021. С. 117–122.
15. *Adams M.* Slang: The People's Poetry. New York: Oxford University Press, 2009. 238 p.
16. *Clark E., Clark H.* When Nouns Surface as Verbs // Language. 1979. Vol. 55. № 4. P. 767–810.
17. *Koestler A.* The Act of Creation. London, Hutchinson, 1964. 751 p.
18. *Panther K-U., Thornburg L.* The Role of Conceptual Metonymy in Meaning Construction // Journal of English Studies. Oxford, 2007. P. 91–116.
19. *Shamne N.L., Nevzorova N.S.* Lingua-pragmatic potential of speech acts in medical professional discussions // Advances in social science, education and humanities research. 2017. P. 199–205.

References

1. *Arnold I.V.* Implication as a method of constructing a text and a subject of philological study // Questions of linguistics. 1982. № 4. P. 83–92.
2. *Vasilishina E.N.* The cognitive-pragmatic aspect of discursive implicatures (based on the matter. Of the works of V.V. Nabokov) // Author. dis. cand. philol. sciences. Kazan, 2015, 193 p.
3. *Demyankov V.Z.* On cognitive manipulation // Cognitive studies of language. 2014. № 18. P. 55–61.
4. *Demyankov V.Z.* Communication pragmatics and cognition // Cognitive studies of language. 2017. № 29. P. 55–63.
5. *Zabotkina V.I.* Cognitive foundations of linguistic creativity // Cognitive studies of language. 2019. № 38. P. 208–216.
6. *Zvegintsev V.A.* The proposal and its relation to language and speech. Moscow, 1976. 307 p.
7. *Zykova I.V., Kyose M.I.* Parametrization of linguistic creativity in the interdiscursive aspect: film discourse vs discourse of children's literature // Questions of cognitive linguistics. 2020. № 2. P. 26–40.
8. *Morgun E.A.* On the issue of convergence of cognitive and pragmatic approaches // Philology and linguistics: problems and prospects: materials of the II International scientific conference. Chelyabinsk: Two Komsomolets, 2013. P. 55–57.
9. *Nikitin M.V.* Fundamentals of the linguistic theory of meaning: textbook. allowance. Moscow: Higher school, 1988. 168 p.
10. *Ordynytsova I.V.* Implication and inference in linguodidactic // The world of the Russian word. 2016. № 4. P. 91–96.
11. *Sorokina T.S.* Semiotic nature of natural language in the light of the theory of inference // Vestn. MSLU. 2012. № 19 (652). P. 246–257.
12. *Shmeleva E.S.* Cognitive mechanisms and pragmatic potential of linguistic creativity (based on *The Economist*) // Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication. 2020. № 3. P. 78–86.

13. *Rebrina L.N., Shamne N.L.* The problem of social reality in communicative practices of conflict mobilization in communities of social networks // *Scientific dialogue*. 2021. № 8. P. 73–86.
14. *Titarenko S.A.* Cognitive aspects of slang education // *Materials of the Scientific session, Volgograd*. 2021. P. 117–122.
15. *Adams M.* *Slang: The People's Poetry*. New York: Oxford University Press, 2009. 238 p.
16. *Clark E., Clark H.* When Nouns Surface as Verbs // *Language*, 1979. Vol. 55. № 4. P. 767–810.
17. *Koestler A.* *The Act of Creation*. London, Hutchinson, 1964. 751 p.
18. *Panther K-U., Thornburg L.* The Role of Conceptual Metonymy in Meaning Construction // *Journal of English Studies*. Oxford, 2007. P. 91–116.
19. *Shamne N.L., Nevzorova N.S.* Lingua-pragmatic potential of speech acts in medical professional discussions // *Advances in social science, education and humanities research*. 2017. P. 199–205.

Статья поступила в редакцию 13.01.2022; одобрена после рецензирования 20.01.2022; принята к публикации 25.01.2022.

The article was submitted 13.01.2022; approved after reviewing 20.01.2022; accepted for publication 25.01.2022.